

The background of the entire image is a long-exposure photograph of a starry night sky. The stars are blurred into long, curved streaks of light, creating a sense of motion and depth. In the lower right foreground, there is a dark silhouette of a person standing and looking towards the sky. The overall color palette is dark, with various shades of blue and black.

*Эрнетта Беткер*

*Секреты  
Профессора  
Мейера*

# Эрнетта Беткер

# Секреты Профессора Мейера

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=43473859](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43473859)*

*ISBN 9785005021984*

## **Аннотация**

Лия Хартман – студентка последнего курса факультета пространственно-временных технологий. В 2089 году она отправляется в будущее, чтобы пройти последнюю учебную практику. Однако в процессе перемещения во времени девушка замечает колоссальную ошибку, которая впоследствии может обернуться человечеству расколом вселенной.

# Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
2083	11
Глава 2	24
2083 – 2089	24
Глава 3	34
2091?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

# **Секреты Профессора Мейера**

**Эрнетта Беткер**

© Эрнетта Беткер, 2019

ISBN 978-5-0050-2198-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Пролог

Когда-то в далеком 2089-ом году я услышала фразу о том, что для полного счастья в нашем мире не хватает только таблетки от смерти. Потому что все остальное, о чем мы мечтали сотнями лет, – человечество уже смогло воплотить в жизнь.

Я действительно горжусь нашим миром. Помимо смарт-хендов (телефонов, встроенных в руки), роботов и автомобилей, одно из самых прекрасных достижений человечества – машина времени. Конечно, она не такая, какой ее описывают в старых фильмах. И ей не воспользуешься так просто, по велению сердца. Но мне известно об этом приспособлении многое, так как я училась на факультете пространственно-временных технологий.

Целых шесть лет я потратила на изучение научных дисциплин данной области, и, если бы я защитила дипломную работу на «отлично», то в качестве последней практики мне бы позволили отправиться на целых 14 минут в год 2091-ый. В таинственном предвкушении я могла не спать ночами, фантазируя о том, как это будет.

Те, кто прошел через подобное, говорили, что ощущения полета во времени – это совершенно неопишное чувство. Оно прекрасно, но стоит больших жертв. Вы, наверное, еще не знаете, поэтому я расскажу Вам о том, как это действует

на самом деле.

Начнем с истории. В 2047-ом году Марк Беркьерс, знаменитый на мировом уровне ученый, выдвинул гипотезу о том, что главное в перемещениях во времени – это сохранение логики пространственно-временного континуума и отсутствие временных парадоксов. Проще говоря – нельзя путешествовать во времени, нарушая историю прошлого, иначе в нашей вселенной могут происходить непоправимые ошибки. Марк утверждал: раз в истории человечества до 2047-го года никто и никогда не встречал странников во времени, значит, в далеком будущем им просто запрещены путешествия в столь раннюю историю человечества. Но если мы сами поспособствуем людям из будущего, то наше изобретение может наконец-то запустить цепочку новых открытий и «развяжет руки» ученым-практикам, а также, возможно, пробьет пространственно-временную брешь. По правде говоря, Марку Беркьерсу мало кто верил. Были, конечно, фанатики и даже ассоциация «добровольцев» для испытаний его машины, но большинство людей крутили пальцем у виска, пока он оглашал результаты каждого этапа создания «Окна». «Окно» – это своего рода «машина времени», но она не способна отправить кого-то в прошлое или будущее. Она лишь является неким порталом для возможных путешественников. Название придумал сам ученый, и никто не возражал. «Окно» хоть и не внушало доверия, выглядело колоритно: круглая белоснежная капсула, закрепленная на металлических

подставках и переплетенная сотнями толстых проводов. Она громко шумела при включении и распространяла сильнейшее лазурное свечение, из-за которого никак нельзя было разглядеть, что находится внутри.

Если вам интересно мое мнение: мне кажется – над Марком смеялись еще и потому, что он был последователем своего деда – Паулюса Беркьерса, создавшего абсолютно не способную к работе «машину времени» в далеком 2019-ом году. Кстати, экспонат Беркьерса Старшего до сих пор стоит в музее моего университета. Между сокурсниками мы называли его «маршрутка», так как во время активной работы вместо волн временного искривления аппарат распространял выхлопные газы.

Но вернемся к Беркьерсу Младшему. Как я уже говорила ранее, Марк создал свою машину в 2047-ом году, но корректировал ее вплоть до 2061-го года, и успел хорошенько постареть от кропотливого труда и насмешек общества. Он говорил, что машина уже давно работает, просто никто из будущего по загадочным причинам пока не желает нас посещать. И над этим его знаменитым домыслом общество смеялось громче всего. А он все ждал гостей из чужеродной временной линии.

Однако его труды не были напрасными, и сейчас уже посмертно, этот позднопризнанный гений имеет массу оправданных наград. Он закончил дело своего деда, ведь имел намного более гибкий ум, улучшенные технологии мира и фи-

нансирование воодушевленных фанатов.

Какая символическая история. Ровно за сто лет до этого, в 1961-ом году, человек преодолел земное притяжение и вышел в открытый космос. А в 2061-ом году, Марк Беркьерс преодолел законы времени и совершил поистине грандиозное открытие. По правде говоря, ему очень повезло, потому что если бы он оказался в тот роковой день один в своей лаборатории, то ему никто и никогда бы не поверил.

В обыденный день к нему пришли репортеры из «Сложных новостей». Они задавали ему вопросы об устройстве машины и постоянно держали ладони над Марком, снимая его производство на камеры своих смартхендов.

Марк охотно согласился показать волны, которые образует машина в активном состоянии, и нажал на рычаг. Именно в тот день, 26-го июля, под пристальным взглядом свидетелей и их камер, из «Окна» появился человек. И все однозначно узнали в нем самого Марка Беркьерса.

После сенсационной огласки, проверки научной комиссии и десятков врачей, было установлено, что это действительно Марк Беркьерс, но только на два года старше. Марк из будущего и Марк из настоящего не вступали в диалог между собой, так как знал (и), что это может привести к необратимым последствиям. Марк из будущего в принципе мало говорил. Он лишь сообщил, что в 2063-ем году ему удалось создать машину времени, которая отправит его в прошлое. Он усовершенствовал свое изобретение и вышел

в современность через «Окно» своей ранней версии. В нашем времени он пробыл ровно четыре дня, и, убедившись, что все узнали в нем Марка Беркьерса, на пятый совершил самоубийство. Его нашли повешенным дома у Марка настоящего. В кармане лежала записка: «Человек не имеет права существовать дважды». Он доказал свою правоту ценой собственной жизни. Несмотря на ажиотаж, обществу было в целом понятно, почему он это сделал. Будущий Марк не мог вернуться в свой 2063-ий год, а находиться в чужеродной временной линии так долго было опасно для мира, если следовать логике его идеологии.

Последующие два года Марка из настоящего непрерывно награждали за его изобретение на бесконечных конференциях, а он же, в свою очередь, активно работал над «второй машиной», которую символично назвал «Дверь». На этот раз он был уверен в своем успехе, и вы сами знаете почему. В июле 2063 года толпы из тысяч людей прощались с ним, дарили подарки и плакали. Они знали, что произойдет сию минуту. Марк включил свою «Дверь» на торжественной церемонии в Большом Национальном Стадионе, и тысячи тысяч людей увидели, как он с улыбкой исчезает в волнах своего изобретения. Миру было известно, что жить ему оставалось четыре дня.

«Окно» и «Дверь» были первыми и долгое время единственными связующими между временами. В 2064-ом году через «Окно» начали появляться все новые лица, обмени-

ваться важными информативными данными и отправляться обратно через новые «Двери». Путешествия во времени проводились довольно аккуратно. Было составлено множество правил, законов и ограничений, чтобы предупредить нарушение хода истории и сохранить целостность нашей вселенной. Странникам из будущего запрещалось видеться с «самими собой» в прошлом, сообщать еще не открытые научные формулы и пытаться изменить события, которые в будущем уже произошли. Путешествия стали возможны в обе стороны, но производились на максимально близкие временные «расстояния».

Когда я была студенткой, в 2080-х годах, машины времени использовались весьма аккуратно и неуверенно. Но моя история, прежде всего, не о сенсационных научных прорывах. Она о любви, расколовшей на части хоть и не всю вселенную, но, по крайней мере, несколько жизней.

# Глава 1

2083

Основная моя проблема заключалась в том, что на факультет пространственно-временных технологий брали преимущественно юношей, достигших 21-летнего возраста и окончивших колледж по технической специальности. Я же была девчонкой, мне было всего семнадцать, а вместо колледжа за плечами оставалась спецгимназия квантовой физики. По правде говоря, мое образование было куда значительнее, чем у остальных абитуриентов, потому что в мою школу берут только вундов (раньше их называли вундеркиндами), детей, ум которых сформировался слишком рано. Эволюция не стоит на месте, а интеллект человека растет с геометрической прогрессией. Поэтому в восьмилетнем возрасте у каждого ребенка есть возможность пройти тест «на вунда» и решить «сто взрослых задач». Если ребенок справляется, это значит, что, по сути, перед нами не просто ребенок, а неестественно умный человек. Тот, кто осознал себя и мир раньше, чем положено природой. Таким детям открывались обширные возможности: специальные школы, право поступать в высшие учебные заведения, возможность получать сложные специальности и даже работать на серьез-

ных должностях. Некоторые вунды отсуживали у государства свое совершеннолетие раньше положенного срока, если конечно могли доказать свою самостоятельность и осознанный подход к жизни. Яркий тому пример – моя любимая подруга Гретхен, которая сумела окончить высшую школу экономики к пятнадцати годам и получила руководящую должность в одном из самых знаменитых торговых брендов. Совершеннолетие ей присудили в тринадцать.

Я тоже вунд, но профессия, которую я хотела получить, слишком серьезна и затрагивала намного более важные знания, чем торговая сфера, из-за чего мои способности могли не учесть и отказать в зачислении на факультет.

Я шла на собеседование переполненная страхом. Наверху проносились сверхскоростные аэромобили, а где-то вдалеке виднелось самое высокое здание планеты: центр управления системами. Именно оттуда шел сигнал регулирования во все автоматические объекты, андройды, а также к роботам по всей стране.

Я прижимала портфель с документами к груди, и старалась идти вперед решительным быстрым шагом. Однако когда я уже была на территории университета, мои ноги слегка подкосились. Волнение подступило к горлу. Я присела на белую лавку у фонтана, поставила портфель рядом и разрыдалась. Ох уж эта мода на белое. Белые стены, белые лавочки, белые дорожки. Почему-то эта атмосфера чистоты и неприкосновенности наводила на меня ужас. Но рыдала я не из-

за этого.

«Подумать только! Из-за каких-то возрастных предрас- судков комиссии, мне могут отказать в зачислении, несмотря на самый высокий экзаменационный балл! Да что они о себе возомнили? Они ведь даже не знают, что пока большинство моих ровесников учили таблицу умножения, я уже заканчи- вала программу основной школы и переходила к изучению квантовых дисциплин. Я гораздо дольше и глубже изучала темы, чем любой из этих обычных мальчишек! А вчера мне позвонили из деканата и сообщили, что вопрос о моем за- числении будет рассмотрен на комиссии».

Да, я была очень эмоциональным подростком. Во мне бу- шевал юношеский максимализм и немного мания величия, поскольку я привыкла быть лучшей во всем, что касалось учебы, а моя самооценка соответствовала требованиям к се- бе. Я даже и на секунду не могла предположить, что другие абитуриенты достойны обучения также сильно, как и я. Моя мама говорила, что когда-нибудь кто-то поставит меня на ме- сто, и я спущусь с небес на землю. Она была против моего преждевременного получения совершеннолетия. Но в пят- надцатилетнем возрасте я поняла, что больше не могу жить по правилам других и сделала то, о чем до сих пор ни разу не жалела. Мне дали комнату и документы, и я наконец-то начала сама распоряжаться своей жизнью. Больше я никогда не слышала от матери слов недоверия. Она не проявляла по- пыток вернуть меня в детство и убедить, что я не способна

на взрослые решения и самостоятельную жизнь. Мои амбиции росли, потому что никто их более не сдерживал. Признаться честно, мы не сохранили теплых отношений и почти оборвали связь. Меня никто не контролировал. Но эта ситуация с поступлением была первым подводным камнем из многих, что заставили меня временно потерять веру в себя.

Я рыдала на отвратительно белой лавочке, олицетворяющей в себе все качества минимализма, и прокручивала в голове слова, которые буду говорить комиссии, дабы убедить их зачислить меня на факультет. Но вместо внятного разумного монолога у меня получалось лишь составить мольбу о помощи, что, естественно, никак не подходило к сложившейся ситуации.

Неизвестно, сколько еще я бы занималась самобичеванием. Однако вмешательство извне заставило меня вновь придти в себя и успокоиться.

– Лия? – услышала я своё имя.

Я убрала руки от лица и красными залитыми глазами посмотрела на человека, меня окликнувшего. Он был мне незнаком.

– Вы меня знаете? – отозвалась я.

На меня с изумлением смотрел старик. Высокий, стройный и официально одетый. Пожилой мужчина в строгом черном костюме. Среди всего белого вокруг он выглядел особенно выделяющимся. Но больше всего мне запомнились его

глаза: они были голубыми и, казалось, совершенно не постаревшими, в отличие от всего остального. Среди многочисленных морщин на лице они выглядели особенно прекрасно и создавали впечатление контраста. Черное и белое. Молодое и старое. Спокойное и взволнованное.

Старик ответил мне минуту погодя:

– Нет, извините. Я, кажется, обознался.

– Вы не обознались. Я действительно Лия. Вам помочь? – Я привстала со скамьи в знак уважения профессору и еще раз убедилась, насколько сильно он выше меня.

Мужчина сделал шаг назад, еще раз сверкнул глазами, но тут же прервал зрительный контакт, отвечая куда-то вдаль:

– Нет, Вы, наверное, какая-то другая Лия. Прошу меня извинить. – С этими словами он быстрым шагом направился к парадному входу университета.

Что ж, наверное, я действительно какая-то другая Лия, потому что этот человек мне совершенно неизвестен. Однако он отвлек меня от самобичеваний, и я отправилась в уборную, чтобы привести себя в порядок и появиться перед комиссией в приемлемом облики.

Я посмотрела в зеркало: рыжие растрепанные волосы ниже пояса, стертая помада, мягкая рубашка и опухшие красные глаза. Так не пойдет. Я умылась, открыла портфель, достала косметичку. Специальный крем моментально убрал красноту с глаз, спрей разгладил рубашку. Я поднесла ладонь к ли-

цу и посмотрела на время: оставалось всего четыре минуты. Пора.

Меня пригласили в зал конференций. Эта была очень большая круглая комната, с высокими потолками и зелеными (хорошо, что не белыми) узорчатыми стенами с четыре жилых этажа, многоярусными окнами. Все парты стояли в полукруге относительно главной трибуны. Очевидно, что именно здесь проходят лекции для студентов. В самом центре комнаты на возвышенности располагался продолговатый стол с микрофонами для лекторов и пластиковыми бутылками питьевой воды.

Заканчивается двадцать первый век, а мы до сих пор губим экологию своим злосчастливым пластиком.

За преподавательским столом сидело четыре человека. Три мужчины и одна женщина. Я знала, что за ней здесь будет последнее слово: в коридоре я слышала, как двое студентов поздоровались с ней и назвали деканом факультета. Я сосредоточилась на даме, поэтому почти не смотрела на остальных. Наверное, нужно было заранее узнать имена членов комиссии, но я так была занята своей речью, что совершенно об этом не подумала. Внезапно мой взгляд столкнулся с тем самым пожилым человеком, который знает мое имя. Он тоже был членом комиссии. Там на улице я поняла, что это один из профессоров. А теперь возможно, что это мой будущий преподаватель. Весьма чудаковатый преподаватель, потому что он не сводил с меня глаз и был, слов-

но, совершенно обескуражен, испуган. Ну что еще возьмешь от старика?

С высоты преподавательской трибуны он выглядел весьма статно и казался харизматичным: когда его окликали другие члены комиссии, он артистично жестикулировал и говорил красноречиво.

На самом деле я очень уважала старость. Но полностью доверять людям, которые родились во времена коробочных телефонов и машин, работающих на взрывоопасных веществах, я не могла. Их детство пришлось на трудные и кризисные времена человечества, а их старческий консерватизм постоянно тянет нас назад. Я никогда не понимала, как можно хвалить времена, где человек сам убирал улицы, бессмысленно тратя свое время, вместо того, чтобы скинуть эту незамысловатую работу на обслуживающего андроида. И если углубляться в историю, я могла бы привести сотни примеров в пользу того, что пожилым людям не место в нашем мире. Как бы цинично это не звучало, но прогресс в двадцать первом веке шёл слишком быстро, чтобы старый человек смог принять наш мир таким, какой он есть сейчас и не пытался вернуть «старые добрые времена».

Самый щуплый и молодой преподаватель из состава комиссии подозвал меня через микрофон:

– Лия Хартман, прошу Вас, к нам поближе.

Эта огромная зала была пустой, и я не знала, какое место занять, поэтому села в самом центре. Я внимательно осмот-

рела комиссию: тот, что был с краю, самый первый, казался довольно сутулым и неуверенным. Но среди остальных он точно был самым молодым. Второй же был предельно внимательным и постоянно листал дубликаты моих документов. Женщина улыбалась и производила доброжелательное впечатление. Пожилой преподаватель, кажется, смотрел враждебно.

Мне задавали вопросы. Это делали все, кроме профессора. Он внимательно слушал, пристально смотрел на меня и молчал. Это, конечно, сбивало меня во время разговора, но я старалась просто взирать на кого-то другого. Периодически мне казалось, что у старичка какие-то проблемы. Возможно, у него болит голова или живот. Он часто смахивал пот со лба, поправлял черный галстук, чесал седую бородку и поглаживал себя по волосам. Как же сильно он отвлекал.

Когда время переговоров перевалило за сорок минут, мы наконец-то подобрались к самому главному.

– Значит, вы окончили ту самую знаменитую гимназию? – уточнила женщина.

– Да.

– Полагается, вы вунд? – Подхватил участник комиссии в середине.

– Да. И я хочу отметить, что для вундов существуют исключения по возрастным ограничениям.

– Мы это знаем. – Ответил первый. – Однако, несмотря на ваши умственные способности вам, как бы это сказать...

мм... может не хватить жизненного опыта... в трудной ситуации.

– Правильно вы говорите, мистер Рихтер, – подхватила женщина – девочка может просто растеряться на практических занятиях.

– Прошу Вас, – я поднялась – уважаемая комиссия, я сдала вступительный экзамен на самый высокий балл, дайте мне хотя бы шанс, и я покажу, что и на практике я способна на многое.

– Присядьте, мисс.

Я вернулась на место.

– Ваши слова звучат довольно убедительно, но как мы можем рисковать? – рассуждал второй. – Что если вы совершите непоправимую ошибку?

– Господин Шрёдер, – наконец-то вмешался пожилой профессор, – Вы хотите сказать, что не рискуете, когда берете на обучение всех остальных студентов?

– К чему вы клоните, профессор Мейер?

Пожилой снова принялся жестикулировать:

– Ежегодно мы набираем на первый курс порядка пятидесяти студентов. Половина из них отваливается в первом семестре из-за своей явной непригодности к профессии. Но вы продолжаете с уверенностью заявлять, что малолетним вундам, прошу прощения мисс Лия, – он снова странным взглядом посмотрел на меня – здесь не место, что их детский разум не выдержит наших испытаний. Но вы посмотрите на эту

девочку. Вы действительно считаете, что она способна расколоть на части вселенную? Я вижу собранного и готового к серьезной работе человека, который не станет брать на себя непосильную ответственность, а ошибки, которые она будет совершать во время учебы, будут не серьезнее, чем ошибки остальных студентов.

– И что же вы предлагаете, профессор Мейер? – спросила декан.

– Я предлагаю зачислить ее с испытательным сроком. Хотя бы один вунд в нашем учебном заведении будет не лишним.

– С испытательным?

– В университет?

– Это как, по-вашему, возможно?

– Зададим девочке планку. – Продолжал профессор – Мисс Лия?

– Да? – я снова встала.

Не знаю, что за магию излучал этот мужчина, но я прониклась к нему глубочайшим уважением и не могла отвечать, не поднявшись.

– В гимназии вы учились на «пять»?

– Да.

– Тогда закончите первый семестр нашего университета с отличием и можете занять бюджетное место на весь срок обучения.

– Правда? – Радостно переспросила я.

Все члены комиссии посмотрели на женщину.

Мистер Мейер вернулся на место и что-то дополнительно шепотом сказал женщине. Она резко изменилась в лице.

– Что ж, как декан я должна отклонить это предложение. Мы никогда не брали на обучение никого моложе 21-го года, это наш постулат. Вы не первый вунд, который пытается встать в наши ряды.

Я поникла. В воздухе воцарилась звенящая тишина, и было слышно, как на стене тикают часы. «С ума сойти, у них есть настоящие настенные часы. Я посмеюсь, если из них ровно в полдень пропоет кукушка».

Декан задумчиво продолжила:

– Но вы первый вунд, который получил за вступительный экзамен столь высокие баллы. И первый, кто не отступает, отказавшись ожидать наступления совершеннолетия.

– У меня уже есть совершеннолетие! – возразила я.

– Милая. – Женщина вздохнула, подалась вперед и облокотилась о столешницу. – Совершеннолетие – это достижение возраста. Это момент, когда вам исполнится двадцать один. А то, что вам присудило государство – это лишь награда за умственные способности и оправданную самостоятельность.

Она снова сделала паузу, но возобновила монолог:

– Да. Вы можете сами себя обеспечивать, вы можете сами решать свою судьбу. Но у вас совершенно нет опыта для таких серьезных испытаний.

– Но я поэтому и стремлюсь в университет! – Я снова встала с места – Я хочу получить этот опыт. Госпожа декан, вы только что сказали, что я сама решаю свою судьбу. И я считаю, что моя судьба – получить образование и связать свою жизнь с проектированием пространственно-временных технологий.

– Миссис Штиц – взял слово самый молодой – Девочка только что окончила квантовую гимназию. Ее знания свежи и актуальны. Если вы отправите ее домой на целых четыре года, то она растеряет свои знания в ожидании зачисления.

– Спасибо! – Вдруг выпалила я.

Женщина снова посмотрела на пожилого профессора. Еле заметно он кивнул ей, после чего она вновь обратила свой взор на меня. Снова молчание и настенные часы. Старик подался вперед к декану и с полминуты говорил шепотом, едва жестикулируя одной рукой, сдерживаясь, словно его жесты тоже кто-то сможет услышать.

И тут произошло то, чего я совершенно не ожидала. В глазах женщины застыла едва заметная слеза. Она сочувственно посмотрела на профессора. А я в свою очередь, уже окончательно для себя решила, что он просто болен и ведет себя так именно поэтому. Вероятно, сейчас он говорит ей о какой-то своей проблеме, а она в свою очередь, жалеет его здоровье и прислушивается к его мнению.

Они перестали говорить и на этот раз посмотрели на меня все вместе.

– Так какой же вердикт, миссис Штиц? – уточнил господин Шрёдер.

Женщина встала:

– Лия Хартман, мы ждем Вас 1 сентября на торжественном вручении студенческих билетов!

Я распростерлась в благодарностях и очень быстро покинула зал, в страхе, что они передумают. Теперь я знала фамилии моих преподавателей: Мистеры Рихтер и Шрёдер, миссис Штиц и профессор Мейер. Да, последний, конечно, выглядит чужаковатым, но именно он помог мне получить место в первом семестре. И все же, окрыленная я уже представляла, как через 6 лет буду получать диплом об окончании и отправлюсь на практику в будущее, где проведу несколько заветных минут.

Я много думала об этом единственном университете, куда доселе не пускали вундов. Но теперь я была исключением, и впоследствии часто фантазировала, как ко мне придёт «Лия» из будущего, и скажет о том, что я его успешно окончу.

Конечно, хоть это теоретически возможно было осуществить, но «я» из будущего ко мне так и не пришла. Поэтому учеба проходила в постоянном страхе отчисления. Однако именно страх в первую очередь толкал меня вперед, все ближе к моей мечте.

## Глава 2

**2083 – 2089**

Я училась на «отлично» не только на протяжении первого семестра, но и в течение всех шести лет обучения. Миссис Штиц часто упоминала о том, что приняла верное решение. Она опекала меня, словно вторая мама. Может это потому, что я была одной из малочисленных девушек на потоке, или потому, что я была младше всех остальных студентов? Кто знает. Я не спрашивала. К третьему курсу из пятидесяти человек нас осталось всего тридцать, а к концу обучения количество выпускников едва перевалило за два десятка. Но я продолжала идти к своей мечте и усердно готовилась к намеченному путешествию. Конечно, я старалась ни на что не отвлекаться, и даже никакая юношеская любовь не досаждала мне. Меня не интересовали мои одноклассники, я совершенно не стремилась устроить свою личную жизнь, хотя признаться честно, попытки со стороны ровесников случались неоднократно. Моя подруга Гретхен смеялась над рассказами об ухажерах и называла меня «Лия неприкосновенная». Она также говорила, что мне суждено «умереть старой девой», но я ее не слушала. Я получила совершеннолетие не для того, чтобы поскорее законно устроить свою лич-

ную жизнь, а для того, чтобы посвятить себя науке.

Самые интересные занятия были у профессора Мейера. Конечно, его чудаковатость никуда не исчезла. Но повествовал он действительно важные и необходимые для моей будущей профессии факты. Он был строг. И было в нем что-то совершенно харизматичное и неопишное. В первую очередь – это та связующая, о которой я никогда не решалась рассказать даже Гретхен. Я имею в виду его странность в поведении по отношению ко мне. Временами он останавливался на середине лекции, встретив мой взгляд, прокашливался и начинал сначала. Когда я встречала его в коридоре, он стыдливо отводил глаза, словно мальчишка, и куда-то в спешке уходил. Часто на наших парах он устремлял свой взор в окно, и на его глаза наворачивались слезы. А когда он произносил моё имя – оно звучало с особенной выразительностью. От этих поступков мне становилось не по себе. Сначала я думала, что мне кажется: наверное, он ведет себя так со всеми. Позднее предполагала, что он в меня даже влюбился! Но к концу обучения я решила, что все это – мои детские большие фантазии, которые надо оставить в прошлом. Ведь он хороший и честный человек, и явно у него есть дела важнее, чем следить за бестолковой рыжеволосой студенткой.

Однажды на четвертом курсе я сдавала профессору Мейеру экзамен по истории. И мне попался билет о машине Паулюса Беркьерса. Я не скрывала своего истинного мнения об этом бесполезном корыте, а Профессор Мейер слегка по-

смеивался, но внимательно слушал мой ответ, уже привычно сверкая нестареющими голубыми глазами.

Вдруг он перебил меня:

– Лия, ну почему вы так уверены, что она не работает?

– Прошу меня извинить, профессор, но вы же понимаете, что в 2019-ом году о путешествиях во времени не могло быть и речи.

– А вдруг они все-таки были, но их просто никто не зарегистрировал? – наверное, он специально пытался меня запутать.

– Но вы же сами говорили на лекции...

– На лекции, на лекции. Знаете, в каком году я родился?

Я посмотрела на преподавателя, боясь обидеть его своим предположением, но все же решилась:

– В 2015-ом?

И тогда он стал смеяться громче.

– Ты слишком хорошо обо мне думаешь. В двухтысячном ровно.

– Вам что, 86 лет?! – довольно громко изумилась я, и тут же закрыла рот руками. – Ой!

Задние ряды тихонько посмеивались над моим возгласом. Это было некрасиво и как-то по-детски несдержанно. Мне самой тогда было двадцать, но поведение, кажется, осталось на школьном уровне, за что я себя неоднократно корила.

Профессор Мейер смотрел на меня совершенно серьезно:

– Лия – с болью в голосе проговорил он – вся наша жизнь –

это большое путешествие во времени. Жизнь несет нас вперед в будущее, с неумолимой скоростью. И ее нельзя выключить из розетки. Однако это самая надежная и самая настоящая машина времени, которая была у человечества всегда.

За экзамен я получила пятерку. Но слова профессора не давали мне покоя и, в глубине души, я сожалела, что время нельзя просто остановить. Чтобы люди не старели, и не умирали, не теряли близких. Профессор был уже очень стар. Хоть и выглядел он хорошо, я знала, что не смогу придти к нему с цветами через двадцать лет и устроить вечер встреч выпускников с его участием.

Тогда, после этих мыслей, я заинтересовалась его жизнью. Двухтысячный год – у людей ведь тогда вообще ничего не было. Они даже не могли сами выбрать пол собственного ребенка! А вунды? Никто не давал им прав, жили себе с родителями до совершеннолетия и тратили годы в ожидании того, что вырастут из детского тела.

Учитывая, что профессор Мейер всю жизнь прожил в нашей стране, он, наверняка, лично застал первого Беркьерса, и может даже смеялся вместе со всеми над его неудачным экспериментом. А потом, возможно, он, будучи уже в среднем возрасте, бывал на конференциях Беркьерса второго, и застал его успех. Я знаю, что профессор Мейер – теоретик и никогда не пользовался машиной времени, но ему это и не нужно: ведь самые великие открытия и самые роковые события истории человечества он видел собственными гла-

зами.

В последние месяцы моей учебы профессор сильно заболел. Ему было почти девяносто. Поговаривали, что он заболел от того, что резко перестал принимать таблетки, замедляющие старение. Никто не понимал, почему он это делает, ведь он мог прожить еще лет 6—8 в здоровом теле и трезвой памяти. Но он, кажется, уже не хотел этого сам. Я слышала, что старики теряют интерес к жизни, но это был мой профессор. Тот самый профессор, за жизнь которого я беспокоилась больше, чем за чью-либо другую. Я привязалась к нему так сильно, как только может привязаться ученик к своему учителю. И меня, конечно, печалил тот факт, что я не увижу его в последнем полугодии. Его место занял другой педагог.

Однажды накануне выпускных экзаменов я решила посетить его, хотя это было совершенно не принято. Я боялась, что его жизнь оборвется, а я даже не успею попрощаться. Поэтому я сложила в сумку фрукты и отправилась к дверям его дома.

С волнением я приложила палец к индикатору. Раздался звонок, и мое лицо отобразилось на информационной панели в дверях. Лия Хартман, 22 года.

– Разблокировать – услышала я из-за стены. Двери раздвинулись, и я вошла. Дом у профессора Мейера был совершенно непримечательным. Длинный узкий коридор с двумя комнатами, обои в полоску и деревянная лестница наверх. По дому металась молодая женщина, лет тридцати. Она была

очень встревоженной и с грохотом закидывала в картонную коробку все фотографии с комодов и столов.

Я испугалась, но не стала предполагать худшее:

– Вы переезжаете?

– Нет. – Отрезала особа, слегка покашливая. – Мой дедушка очень замкнутый человек, и не желает показывать семейные фотографии посторонним.

Она затолкала коробку под стол, поправила рубашку и прическу, затем наконец-то взглянула на меня:

– Извините. Мы не ждали гостей. Здравствуйте.

Девушка запыхалась.

– Здравствуйте. Это Вы извините, я не должна была проходить без предупреждения. – Немного замявшись на входе, произнесла я.

– Но вы уже здесь. Поэтому проходите. – Предложила мисс.

– Спасибо. Профессор Мейер – ваш дедушка?

– Да. Я Хельга Мейер.

– Очень приятно, мисс Мейер. Меня зовут Лия Хартман.

Хельга снова закашляла, прикусила губу, отвернулась, схватила со стола граненый стакан воды и выпила его залпом. Она, кажется, страдала такой же нервозностью, как и мистер Мейер. И тоже с самого первого момента смотрела на меня исподлобья, с тревогой в глазах. Значит – это у них наследственное. А я, глупая, нафантазировала себе невесть чего, уже даже стыдно вспоминать. Пусть даже где-то в голо-

ве, но как я могла клеветать профессора? Благо, я повзрослела и оставила свои глупые детские мысли позади, а теперь хочу просто позаботиться о хорошем человеке и уважаемом учителе.

– Как мистер Мейер?

– Совсем плох. Ни врачи, ни семья, никто не может заставить его принимать лекарства. Он как будто просто решил умереть. – С этими словами Хельга опустила взгляд и отвернулась.

Вытирая глаза, она продолжила:

– Он все время лежит. Идите, посмотрите сами. Только не утомляйте его разговорами.

Я направилась наверх. Лестница скрипела под ногами. На стенах сверкали старые пожелтевшие вышивки в рамке. Хельга поднималась вместе со мной и комментировала:

– Это вышивала моя бабушка.

– Правда? Я тоже очень люблю вышивать. Сейчас это уже считается пустой тратой времени, но мне нравится. Только до вашей бабушки мне, конечно, далеко.

– А что вы вышиваете? – Хельга проявила ко мне интерес.

– Предпочитаю природу. Но у меня на это совершенно нет времени, поэтому работа над маленьким цветочком займет не менее полугода!

Девушка немного улыбалась. Она говорила, что не понимает такого хобби. Но вышивки ее бабушки были действительно прекрасны: расписные соборы, старинные кружева,

лебеди и пейзажи. Хельга сказала, что она давно умерла. Но ее картины до сих пор украшают дом мистера Мейера. Похоже, он очень сильно ее любил.

Хельга открыла дверь и пригласила меня войти. Затем она обратилась к профессору:

– Дедушка, к тебе гости.

– Кто там?

Я посмотрела на мистера Мейера, который дрожащими руками выискивал на тумбе очки. Удивительно: мы не виделись несколько месяцев после его ухода из университета, но за это время он постарел лет на двадцать и теперь действительно выглядел на свой возраст. Он как будто стал тоньше и ниже. Я боялась увидеть его таким. Но этот момент все-таки наступил.

– Кто это?

– Это Лия. – Отозвалась я.

– Это ты, моя миссис Мейер? – спросил он глядя мне в глаза затуманенными и как будто пустыми зрачками.

Налицо все признаки старческого маразма: отчетливо видит меня, но не узнает.

– Кто такая миссис Мейер? – я обратилась к Хельге.

– Это бабушка, его покойная жена – сухо ответила девушка и спустилась обратно по лестнице.

Дверь закрылась.

– Я Лия Хартман. Ваша ученица.

Профессор посмотрел на меня с сожалением.

– А я ждал миссис Мейер. – Расстроено ответил он.

– Она не может придти, ведь она...

– Я знаю, девочка. Я еще не до конца потерял рассудок.

Я пожалела о том, что пришла. Человек ждет свою жену с того света, чтобы отправиться за ней, а тут я со своими фруктами.

– Что же ты принесла мне, Лия Хартман?

Я поставила сумку у его кровати:

– Здесь фрукты. Это... это вам к выздоровлению.

– Спасибо, Лия... Хаартман. – Он как-то саркастично протянул мою фамилию, устало вздохнул, снял очки и отвернулся к стене.

– Я вас оставляю. Выздоровливайте.

– Ага. – Прохрипел бывший профессор – До свидания.

Я спустилась вниз и направилась к выходу.

– Лия. – Окликнула меня Хельга.

– Да?

– Спасибо за ваше неравнодушие. Если вдруг когда-нибудь вы снова захотите придти, код от двери 1169.

– Ладно.

Я вышла. Очень необычная семья. Профессор, который просто отказывается жить дальше, внучка, которая всем подряд рассказывает, как попасть в дом.

И у обоих странные безумные глаза.

Я корила себя за этот визит. Ну чего я ждала? Что профессор поднимется с кровати и нальет чаю неожиданной гостье?

Конечно, мне не стоило приходить. Бывают преподаватели, которые гостеприимно принимают своих студентов у себя дома, житейски с ними общаются и раскрываются с новой стороны. Но мистер Мейер, судя по всему, был совершенно другим человеком, и хотя на лекциях казался весьма открытым и доброжелательным, сейчас его явно не беспокоил имидж. По дороге домой я вспоминала его измученное еще сильнее постаревшее лицо, потухший взгляд и натянутую вежливость. Затем я размышляла о том, как бы на мой визит отреагировала миссис Штиц, светлая душевная глава факультета. Уж она бы наверняка была рада, что ее ученики беспокоятся о ней во время тяжелой болезни. Миссис Штиц еще была вполне молода и полна сил. Я не знала, сколько ей точно лет, но выглядела она как обычная женщина среднего возраста.

# Глава 3

## 2091?

С моего визита к профессору прошло почти три месяца. Я закончила сдавать все экзамены и все-таки защитила свой диплом. Жаль, что нельзя в качестве последней практической задачи выбрать путешествие в прошлое. Тогда бы я сообщила самой себе, первокурснице, что закончу факультет, и моя учеба оказалась бы менее тревожной. Насколько мне известно, профессор еще был жив. Но он ждал, когда за ним придёт его жена и они отправятся в тот лучший мир, где она будет вышивать для него картины.

Я была в предвкушении своего путешествия, и почти не думала о нём. Если всё пройдет успешно, то, возможно, позднее я буду путешествовать на более «дальние» временные расстояния, а минуты, проведенные там, превратятся в часы и даже в дни.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.